

отношению к даме - *angelica figura, angiol figurato*, от которой исходят *spiriti d'amore*, приветствие *saluto*, которое приносит исцеление и благодать *salute: venne in terra per nostra salute*.

Изысканная простота лексики и синтаксической формы стихов способствовали их широкому распространению. Многие из них стали хрестоматийными, как, например, сонет

Tanto gentile e tanto onesta pare
la donna mia quand' ella altrui saluta,
ch' ogne lingua, deven tremando muta,
e li occhi no l'ardiscon di guardare. [VN XXVI]

или канцона «*Li occhi dolenti per pietà del core...*», которая кончается посылкой:

Pietosa mia canzone, or va piangendo;
e ritruova le donne e le donzelle
a cui le tue sorelle
eran usate di portar letizia;
e tu, che se' figliuola di tristizia,
vatten disconsolata a star con elle. [VN XXXI]

4. Проза «Новой жизни» и «Пира».

Прозаические фрагменты "Новой жизни" отличаются от стихотворных текстов по своему словарному составу. Здесь почти отсутствуют провансализмы и сицилианизмы, редко встречаются дублеты типа *bellezza/bieltade, desiderio/disiri*, зато, в соответствии с доктринерской направленностью некоторых комментариев, вводятся многочисленные латинизмы и просто латинские слова: *appropinquare, gioventudine, vocabulo, ineffabile, risibile, sustanzia corporale, etc.*

Синтаксис и стиль прозаических частей "Новой жизни" достаточно разнообразен. В "ученых" отступлениях наряду с лексическими латинизмами, обычны также и синтаксические: это конструкции "инфинитив с аккузативом" после глаголов речи и мысли (*appare che io ponga Amore essere corpo*) или порядок слов в группах "дополнение + глагол" и "относительное прилагательное + существительное" (*a cotale cosa dichiarare; non*

volgari ma litterati poete queste cose trattavano). Кроме того, период (сложное полипредикативное целое) включает несколько встроенных друг в друга придаточных и вводных предложений, соединенных многочисленными условными и причинно-следственными союзами, как например:

Onde, con ciò sia cosa che a li poete sia conceduta maggiore licenza di parlare che a li prosaici dittatori, e questi dicatori per rima non siano altro che poete volgari, degno e ragionevole è che a loro sia maggiore licenza largita di parlare che a li altri parlatori volgari: onde, se alcuna figura o colore rettorico è conceduto a li poete, conceduto è a li rimatori [VN XXV, 7]. Здесь можно также заметить вариативность как фонетической формы слова - *licenza/licenzia*, так и порядка слов - *prosaici dittatori/parlatori volgari* (слово *poeta* обозначает у Данте 'латинский поэт', в отличие от термина *dicitore per rima*, относящегося к поэту, сочиняющему на вольгаре).

Прозаические отступления, описывающие внутренние состояния автора, например, его горячий сон [VN XXIII], содержат синтаксические модели, типичные для разговорной речи. Это сочинительные цепочки, повторы, анаколумы, включения прямой речи, сохранение "романского" порядка слов в группе "глагол + дополнение", подчинение предложений с помощью многозначного союза *che* 'что, чтобы, так что, так как' и относительного местоимения *che* 'который'.

Проза трактата "Пир" также неоднородна. Однако, за десять лет, разделяющих эти два сочинения, отношение Данте к возможностям высокой прозы на вольгаре сильно изменилось. Если раньше он отдавал предпочтение стиху, украшенному рифмой и цветами риторики (*colori rettorici*), то сейчас, когда распространение знаний среди не знающих латыни итальянцев и расширение сферы употребления родного языка, стали его основной целью, именно проза, лишенная случайных украшений (*accidentali adornezze*), является наиболее адекватной формой для философских комментариев. Для Данте глубина мысли в этом случае оказывается важнее, чем красота выражения: *...ché la bontade é ne la sentenza, e la bellezza è ne l'ornamento de le parole; e l'una e l'altra è con diletto, avvegna che la bontade sia massimamente dilettoza* [Conv. II, XI, 4]. Чтобы доказать истину, убедить в своей правоте, опровергнуть противников, объяснить причинные связи между явлениями, Данте создает логически выстроенный синтаксис, соединенный с риторическими приемами аргументации, среди которых главное место занимает сравнение и конкретный пример (*exemplum*). В качестве "примера" иногда выступает сам автор, когда он объясняет эмоциональные мотивы своих поступков - например, в знаменитом патетическом отступлении, где повторы и инверсии, "высокая" форма кондиционала на *-ia* и ритмическая структура всего сложного синтаксического целого - не "цветы риторики", а органичная форма выражения сильной и сложной эмоции: *Ahi, piaciuto fosse al dispensatore de l'universo che la cagione de la mia scusa mai non fosse stata! ché né altri contra me avria fallato, né io sofferto avria pena ingiustamente, pena, dico, d'essilio e di povertate...Veramente io sono stato legno senza vela e senza governo, portato a diversi porti e foci e liti dal vento secco che vapora la dolorosa povertade...*[Conv. I, III, 3, 5].

Как отмечает Чезаре Серпе, «La fisionomia della lingua del Convivio è determinata in grandissima parte dal proposito del suo autore di emulare i trattatisti in lingua latina» [Segre 1963, 244]. Отсюда скрупулезное логическое членение фраз, абзацев, глав, ссылки на авторитеты, категорическое утверждение истинности сказанного, особенно в начале фразы, например: *Per che manifesto è che...; Ad evidenza di questo è da sapere che...; Riprovato l'altrui errore che...;* или четко обозначенные причинно-следственные связи как, например, в начале первой главы: *Sì come dice lo Filosofo nel principio de la Prima Filosofia, tutti li uomini naturalmente desiderano di sapere. La ragione di che puote essere ed è che ciascuna cosa, da providenza di prima natura impinta, è inclinabile a la sua propria perfezione; onde, acciò che la scienza è l'ultima perfezione de la nostra anima, ne la quale sta la nostra ultima felicitade, tutti naturalmente al suo desiderio semo subietti* [Conv. I, I, 1].

Логическое членение подкреплено ритмически: последняя фраза, в отличие от предыдущих, содержит инверсию дополнения, которая уравнивает и замыкает период. Из этого примера видно также, что ориентация на латинские (в том числе и средневековые) модели сложных периодов не нарушает общий "романский" принцип организации фразы и, как пишет Чезаре Серпе, "assimila alla sintassi romanza l'esperienza costruttiva della prosa latina" [Segre 1963, 244].

Опыт логически строгой организации периода был продолжен и обогащен в "Божественной комедии".

5. Лексические и морфологические особенности "Божественной комедии"

Трудно сказать, какие слова и варианты форм одного и того же слова присутствовали в самом оригинале "Комедии", учитывая тот факт, что массовое переписывание этого сочинения не могло не породить произвольных изменений текста. Так, один усердный переписчик в 1330 г. рассказывает в письме другу, как он, сравнивая два манускрипта "Комедии", выбирал наилучший вариант, а иногда придумывал и свой собственный [см. Folena 1965]. В результате даже самые ранние копии содержат разночтения.

Наиболее достоверными являются рифмующиеся словоформы, на которые ориентировался Эрнесто Пароди в своем исследовании языка Данте [Parodi 1957]. Но и этого материала оказывается достаточно, чтобы прийти к заключению, что Данте в "Комедии", в отличие от "Новой жизни", отказывается от всех запретов на употребление тех или иных слов, если они ему нужны для рифмы или для речевой характеристики персонажа. Так, ради рифмы в XX песни "Ада" появляется флорентийский плебеизм *introcque (=intanto)*:

"ben ten dee ricordar, ché non ti nocque